

ОБРАЗЫ МИРА: ИДЕИ СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА, БРАТСТВА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В. Зассин

Мюнхенский
технический университет,
Мюнхен, Германия

wolfgang@sassin.at

Для выживания *Homo sapiens* были необходимы совместные усилия и сильная тяга к экспансии. Наши сегодняшние эмоции и инстинкты – реликт эпохи охотников и собирателей. Внешняя экспансия против соперничающих сообществ и внутренняя экспансия, направленная на всё более тесную социальную организацию, породили массового человека, человека толпы, доминировавшего в мире вплоть до XIX века. Современный массовый человек, *Homo billionis*, глобальная цивилизация которого охватывает всю планету, появился только в XX веке. Его архаическая тяга к экспансии породила промышленную цивилизацию как доминирующую форму жизни. Сегодня *Homo billionis* наталкивается на естественные границы, которые воспринимаются как помеха, но не осознаются как вызванное им самим разрушение саморегулирующейся природы.

За обеими мировыми войнами стояло убеждение в необходимости ради собственной свободы максимально расширить эксплуатацию природы и других людей. Эта экспансия и завоеванная за чужой счет свобода подошли к своему логическому концу. На протяжении двух поколений планета неограниченных возможностей превратилась в закрытый рынок, где каждый стремится вытеснить другого и где все больше и больше увядает не только индивидуальная свобода, но и национальная идентичность.

Массовый человек как современная версия *Homo sapiens* и монотеистические идеологические построения тесно связаны друг с другом. Они должны быть преодолены, чтобы избежать гибели цивилизации в результате дальнейшего экспонентного роста. Для этого необходимы два условия: отказ от экспансионистских идей государства и признание различий между людьми.

Ключевые слова: *Homo billionis*, монотеизм, экспансия, цивилизационный кризис, массовый человек.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-9-27

---

* Перевод с немецкого Игоря Александровича Канакина.

**Сознание и действительность –
два дискретных и в высшей степени
селективных феномена**

Представление Демокрита о том, что всё существующее состоит из неделимых мельчайших частиц – атомов, в естественных науках в наши дни не подвергается сомнению. Однако мысль Демокрита о том, что из подобных мельчайших единиц должно состоять не только материальное, но и духовное (Демокрит говорил о «душевных атомах»), развития не получила. То, что духовное состоит из дискретных восприятий, большинству людей кажется спекулятивным и даже экзотическим утверждением. Поэтому размышления о сущности человека как познающего субъекта, а только это и отличает его от животного, занимают преимущественно философов и теологов, но не психологов, социологов, экономистов и уж тем более не политиков, чья реальность – абстрактные измеримые величины: показатели IQ и нормальные распределения, уровень деловой активности, выраженный в денежной форме совокупный национальный продукт или численное выражение одобрения или неприятия планов социальных экспериментов, определяемое время от времени в ходе референдумов или выборов.

Технократы, менеджеры, функционеры, лидеры и их команды действуют так же, как те, кто разделяет лед, воду и пар и пытаются превратить их друг в друга для достижения неких целей. Для них, как правило, неважно и остается лишь голой теорией то, что молекулы, состоящие из двух атомов водорода

Если свобода вообще что-нибудь значит, она означает право говорить людям то, что они не хотят слышать.

Дж. Оруэлл. Скотный двор.

и одного атома кислорода, в одних случаях связываются друг с другом, в других взаимно отталкиваются, а потому большие объединения таких молекул могут обнаруживать весьма различные свойства, находясь в разных агрегатных состояниях. Люди такого типа бывают удивлены и даже поражены тем, что подобные системы «одинаковых» единиц при определенных условиях изменяют свое поведение и качество не постепенно, а неожиданно, скачком переходя в кардинально иное состояние. При этом поведение агломераций этих атомов, т. е. характер их взаимосвязей, определяется не только свойствами атомов и молекул. На то, как они взаимодействуют со своими «соседями», в решающей мере влияют внешние силы и ограничения. Повышение или понижение температуры, увеличение или уменьшение давления, добавление «чужих» атомов и молекул и т. п. изменяют внутри- и внесистемные условия. Этот факт не остается без внимания при «прагматическом» взгляде на действительность, но он ошибочно считается редким исключением. В человеческих системах события, подобные неожиданным изменениям агрегатного состояния под действием внешнего вмешательства, называются событиями типа «черный лебедь»¹.

¹«Черный лебедь» – теория, рассматривающая труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия. Автором теории является Нассим Николас Талеб, который в своей книге «Черный лебедь под знаком непредсказуемости» ввел термин «события типа “черный лебедь”» (*англ.* TBS, The Black Swan) [5]. Талеб показывает, что «черные лебеды» встречаются чаще, чем мы думаем. Их грандиозные последствия систематически недооцениваются.

В материальном мире пространственные и временные изменения, при которых минимальное стороннее воздействие ведет к внезапному качественному скачку, вполне обычны. Горсть соли способна растопить глыбу льда, маленькая спичка может поджечь кучу дров. О том, что вкрапления чужеродных «атомов с иными свойствами», т. е. чужеродных идей или мыслительных построений (душевных атомов по Демокриту), приводят к фундаментальным изменениям поведения и качества целых человеческих сообществ, свидетельствуют революции, пронизывающие нашу историю. Для них бывало достаточно того, что такие «мыслительные атомы» не подчинялись господствующему духовному порядку и иногда – хотя и не всегда – разрушали его. Выражаясь на языке химии, такие «мыслительные атомы» становились катализаторами социальных реакций.

Таким образом, осознание человеком себя и мира, в котором он живет, не просто сумма гигантской массы различных восприятий; эти восприятия всегда формируют особую реальность, определяемую тройным ограничением: в пространстве, во времени и в пространстве различий. Без такого всеобъемлющего представления «действительности», предполагающего разграничения *ad hoc* в этих трех пространствах и тем самым создающего эту действительность, утрачиваются всякие ориентиры. Только при таких условиях возможны постановка и достижение каких-либо целей. Способность к конструированию «действительности», особый взгляд на мир не как на всеобъемлющую «абсолютную реальность» постепенно формируется в детском возрасте. Поначалу узкие горизонты трех пространств – физического, временного и пространства различий – расширяются скачка-

ми. В ходе ментального развития каждого человека неизбежно происходит его неоднократная переориентация, перестройка. Связанные с этим переломы, обычно называемые «сменой перспективы», ведут к изменению ментального порядка, внутри которого хранятся восприятия как смыслопорождающие воспоминания. Малейшие изменения этого порядка требуют коррекции картины мира, в котором осознает себя Я, и эта коррекция переживается очень болезненно.

Под картиной мира (*vision*) в дальнейшем мы будем понимать всеобъемлющее ментальное пространство с ограничением духовных горизонтов в Материальном, Временном и в Различиях, в котором пребывают отдельные мысли и идеи. Картины мира являются «озарениями» в названных пространствах, становящимися привычными и выражающимися на уровне притч. Картины мира не существуют вне своих границ. Если горизонты ментального пространства претерпевают существенные изменения, то изменяются не только присущие картинам мира «вечные» ценности – изменяется и сознание индивида. В конечном счете изменяется человеческое качество, порождающее новый вид – в совершенно другом смысле, чем то, как его определяют биологи и антропологи. Например, стремительное освоение новых измерений пространства, времени и различий в XX веке потребовало введения понятия *Homo billionis*.

Чтобы лучше понять историческую последовательность различных картин мира, их эволюционное преобразование и их влияние на общество и его членов, достаточно обратиться к тем этапам, которые проходит каждый человек в своем индивидуальном «овладении» миром. Это процесс переработки информации, начинающийся

задолго до рождения, регулирующий способность к жизни и выживанию и приводящий к гибели индивида, допустившего существенные ошибки.

Для адекватной переработки информации мыслящее существо нуждается в представлении о физическом пространстве, в котором оно воспринимает себя, в некотором определенном месте, «здесь». Примером может служить ребенок, заблудившийся в лесу или в человеческой толпе. «Где» определяется в зависимости от особенностей каждый раз предварительно абстрактно мыслимого пространственного представления. Осознание нахождения себя в пространстве, как и прочие «картины мира», дающие представления о существовании, соотносится всегда с некоей «сценой», неким фрагментом пространства, который придает данному восприятию конкретность. Выбор этой сцены практически всегда происходит полуосознанно. Вначале это детская комната, квартира родителей, деревня, городской квартал; на следующем уровне – школа, кружок по интересам, фирма, партия. В конце жизни – дом престарелых и кладбище. Эта сцена, т. е. ментальное пространство, конструируемое до всякого конкретного восприятия, может быть плоской, как равнинный ландшафт, или походит на бурное море. Она приобретает дополнительное измерение, если воспринимающий субъект «находится на вершине горы» или «смотрит в водную глубину». Наконец, образ в нашем сознании изменяется, если его пространственная рамка расширяется, например, от континента к планете, Солнечной системе, Млечному Пути или Вселенной, в центре которых Я представляет себя наблюдателем, упорядочивающим окружающие феномены.

Сходным образом дело обстоит и со временем. Каждый момент, каждый эпизод неосознанно соотносится нами с неким фрагментом того, что мы наивно считаем временным континуумом. В действительности исследования восприятия показывают, что наше ощущение времени дискретно. Мы можем воспринимать процессы только в пределах временного окошка, в котором сигналы от наших органов чувств обрабатываются головным мозгом. То, что мы воспринимаем, в решающей мере зависит от размеров этого окошка.

По этой причине наше сознание не может постичь ментально ни начало времени, ни его конец. Здесь для нас исчезают понятия причины и следствия. Только взаимосвязь того и другого определяет наше чувство времени, а эта взаимосвязь не только делит время на прошедшее, настоящее и будущее, но и вообще разграничивает различные временные отрезки. Происходящее в данный момент находится в иной части «временного пространства», чем, например, процесс взросления или старения. Поэтому субъективно выбранный фрагмент временного пространства, лежащий в основе наблюдения, определяет то, что в нашем восприятии вообще влияет друг на друга.

Всё это справедливо не только для восприятия нами физических процессов, но прежде всего для нашего отношения к другим воспринимающим, обмен информацией с которыми возможен и необходим. Эти другие воспринимающие, близкие нам во времени и пространстве, своими действиями в значительной мере определяют условия существования нашего Я. Предполагаемое особое отношение к одному или нескольким таким самостоятельно действующим индивидам определяет

концентрацию нашего внимания на той или иной части информационного потока, т. е. с каким существом или с какой группой действующих лиц мы общаемся, а какие исключаем из поля нашего внимания, как если бы их вовсе не существовало. Поэтому аналогично физическому и временному пространству существует кажущееся безграничным «пространство МЫ», в котором, однако, должны быть ограничены отдельные акты коммуникации для фильтрации представляющегося необозримым потока информации, чтобы идентифицировать действующих лиц как других Я или группу Я, собственное МЫ или другие МЫ. Предварительное подразделение этого пространства различий определяет, по каким признакам и сигналам мы обращаемся к отдельному существу или группе и тем самым вообще их идентифицируем. Точно так же, как мы не можем представить себе «беспредельное» пространство и «безграничное» время, мы не можем представить и безграничное МЫ в виде открытого множества отдельных различных Я.

Чтобы увидеть реальные объекты и субъекты и определить их влияние на нас, следует четко разграничить три пространства – физическое, временное и пространство различий. Только в этом случае из бессмысленного конгломерата «атомов» и их необозримых взаимосвязей могут возникнуть определенные и определяемые структуры, гештальты и идеи, локализуемые как во времени и в физическом пространстве, так и в пространстве отношений.

Особо строгого разграничения требуют коммуникационные пространства, в которых «отправители» и «адресаты» обмениваются информацией и взаимодействуют в физическом пространстве и во времени.

Чем разнообразнее, сложнее и многочисленнее «отправители» и «адресаты» представлены в информационном пространстве, тем строже должны быть разграничены каналы, т. е. договоренности о формах обмена информацией, из которой может быть извлечено ее «значение», т. е. сведения о количестве и качестве «отправителей» с целью предсказания их поведения в пространстве и во времени.

Для «живых» отправителей требуются дополнительные сведения о их намерениях, целях и стратегиях, позволяющие правильно оценить их поведение. В отличие от неодушевленных объектов, одушевленные субъекты обладают способностью до известных пределов изменять свои качества в интересах взаимодействия или же симулировать эти качества, чтобы выстоять в ситуациях соперничества.

Чем разнообразнее и индивидуальнее одушевленные «отправители информации», тем настоятельнее требования к ограничению информационного пространства, в котором происходит обмен. Примером служит образование отличающихся друг от друга человеческих языков. Пространство разнообразия включает в себя много подобных дискретных социальных пространств. Совместно с абстрактными правилами поведения, выраженными в форме ценностей, они определяют как разнообразных МЫ, так и разнообразных Я как конституирующих членов этих МЫ. Социальные единицы, т. е. отграниченные друг от друга части МЫ-пространства, принципиально дискретны и всегда абстрактны, чтобы не сказать виртуальны. Они не обусловлены биологически, так же как музыкальное произведение или речь не обусловлены звуковой колонкой, передающей их звучание.

Важно отметить: чем сильнее ограничивается индивидуальная свобода принимать любые качества, тем больше должна быть индивидуальная выгода от включения в группу, чтобы такое ограничение принималось на более или менее длительный срок. Это относится, например, к отказу от свободы безбрачной жизни при создании семьи, которая не бывает диффузной, но всегда состоит из немногих строго определенных членов, поддерживающих друг друга. Менее четко это видно при объединении различных Я в более крупные функциональные единицы – в фирму, общественный институт, правовое и языковое пространство, религиозную общину или культуру. Чем крупнее функциональная единица, тем менее связаны ее члены, поскольку для включения в такое функциональное МЫ всё менее и менее однородных членов нужны всё менее и менее обязательные правила, в конечном счете сводимые лишь к списку исключений.

Всякое включение Я в особое МЫ приобретает значение, ограниченное сроком жизни этого МЫ. Пространственные и временные границы имеют и более крупные сегменты МЫ-пространства, такие как племя, народ, государство, культура, или же они не существуют как понятия и представления. Индивиды существуют не в любых пространствах и не в любых временах, не в любых социальных и коммуникативных группах. Мы не можем в одно и то же время быть здесь и там, не можем быть членами различных групп с различными свойствами. Я дискретно, и индивидуум – как говорит само его название – не может быть распределен по разным пространствам. Это справедливо и для групп индивидов, образующих индивидуальное МЫ. И эти отдельные МЫ не изменяются постепенно,

эволюция этих МЫ – не непрерывный процесс, но всегда результат кардинального и внезапного преобразования, скачка. Такие МЫ как бы рождаются – но также и умирают.

В течение XX века произошло драматическое изменение измерений пространства, времени и различий, в которые мы помещаем себя, желая получить полезную, даже жизненно важную картину реальности. С удивлением и недоумением мы видим, что достижения прошлого обратились в свою противоположность, по крайней мере в Европе. Она утратила свое превосходство и борется за сохранение привычного благосостояния, которое не может больше обеспечить собственными силами. Колониальные державы превратились в экономические системы, зависимые от «мировых рынков». На политическую сцену вышли новые могучие акторы, борющиеся за господство. Они не только наверстывают упущенное, но и посягают на ресурсы, еще в прошлом поколении считавшиеся собственностью «старых» индустриальных стран – тех немногих, которые составляли особое МЫ, «открывшее», исследовавшее и освоившее Землю с помощью своей технологии.

Связанные с этими изменениями перемены еще не достигли нашего сознания. Прежде всего оказывается, что ментально доступное физическое пространство по срокам жизни индивидов, сообществ и даже культур чрезвычайно ограничено. Правда, в повседневной жизни оно охватывает поверхность планеты Земля, но не простирается в Космос, практически для всех индивидов не достигает даже до космических станций, не говоря уже о других планетах. С другой стороны, с ускорением технических и социальных изменений су-

жаются обозримые временные горизонты. Потому что доступное для переработки количество информации сокращается по мере нарастания информационного потока, который благодаря дигитализации и электронной передаче сообщений просто захлестывает всякого воспринимающего индивида. Примеры из повседневной жизни показывают, до какой степени переработка информации ограничивается необходимостью учитывать лишь существенное. Когда мы замечаем движение «чего-то» в кустах, то подавляется более 99 % оптических сигналов, поступающих от сетчатки глаз в головной мозг. На основании менее 1 % сигналов наш когнитивный аппарат решает, идет ли речь о хищнике в засаде или об обыкновенной кошке. Сходным образом наше сознание концентрируется на царапине на поверхности дорогого предмета, игнорируя его ценность, либо наоборот, на его символической ценности (например, на этикетке), игнорируя царапину. Этот кардинальный сдвиг внимания управляется неосознанными ожиданиями, здесь действуют инстинкты и эмоции, возникшие в ходе эволюции.

Люди никогда не реагируют на собственно «реальность», но лишь на то, что они *воспринимают* как реальность именно в данный момент. При недостатке информации наше восприятие вынуждено следовать наиболее правдоподобному предположению о ситуации, подлежащей диагностированию, и на основе этого конструировать действительность. Это тем более верно в случае угрозы одному человеку или группе людей. Более того, даже физическая реальность до Кеплера и Галилея была иной, чем после того, как их идеи были восприняты. Реальность существует только «задним числом» и то лишь некоторое время.

Социальное пространство дробится по мере ускорения процессов специализации и коммуникации, порождающих необозримое число личностей, вынужденных в силу своей ограниченной способности к переработке информации взаимодействовать друг с другом лишь секвенциально.

Вследствие сдвига измерений размываются все наши привычные границы в трех вышеперечисленных ментальных пространствах, как и все соотнесенные с ними абстрактные ценности. На поверхности нашего сознания мы отдаем себе отчет в том, что планета Земля не сможет сколько-нибудь долго выдержать перенос цивилизационной модели, сложившейся в Европе и на Западе в целом, на семь миллиардов человек – число, которое через одно или два поколения, вероятно, возрастет до восьми или даже девяти миллиардов. В глубине же сознания мы чувствуем, что речь идет о чем-то большем, чем только об изменениях физических условий выживания нашего мира. Речь идет об осознании того факта, что наше Я должно заново найти и определить себя, если оно не хочет себя потерять.

Если не принимать во внимание «цивилизационно отстающих», то можно утверждать, что в колыбели Нового времени страх перед будущим теснит когда-то столь окрылявшую европейцев веру в это будущее. Это отражается как в недоверии к технике, так и в параличе готовности отправиться к новым берегам. Процесс объединения Европы утратил свой блеск, а ООН воспринимается как что-то вроде добровольной пожарной команды, а не как орган мирового порядка.

Следует признать, что давно наступило время для трезвого анализа, еще способного предотвратить коллапс, называемый многими «Сумерками миров» (по аналогии

с Сумерками богов). Целью такого анализа должно стать прежде всего детальное рассмотрение сил, которые привели к безграничному росту и даже к цепной реакции «глобального высвобождения человеческой энергии», которое грозит деформацией инстинктов и эмоций вида *Homo sapiens*.

Всякая попытка найти выход из цивилизационного тупика нашего века начинается с рефлексии о представлениях человека о самом себе. Заложенная в каждом индивиде готовность к объединению сходна с той, которая при достаточном давлении и достаточной температуре приводит к вспышке ядерной реакции в звездах. При этом звезды ведут себя совершенно иначе, чем реакторы, расщепляющие тяжелые атомные ядра. В реакторе достаточно нескольких управляющих стержней, поглощающих нейтроны, чтобы держать цепную реакцию под контролем. В звездах же для контроля энергии, освобожденной в результате объединения ядер водорода, необходимо намного более сложное равновесие между притяжением их масс и противонаправленным внутренним давлением излучения. Наше Солнце удерживает свои атомы водорода на дистанции, позволяющей не взорваться подобно водородной бомбе. Эта аналогия говорит о следующем: чтобы глобальную цивилизацию не постигла судьба сверхновой звезды, она должна заботиться не только об аттрактивных свойствах отдельных индивидов. Для своего устойчивого существования она должна обеспечить человеческим «атомам» достаточное пространство индивидуальной свободы.

В следующих главах анализируются картины мира, образы, сформировавшие *Homo billionis*, своего рода духовную звезду, возникновение которой на планете Зем-

ля стало возможным в результате появления *Homo sapiens* и которая уже готова взорваться. Вопрос о том, сможет ли этот лишь ментально постигаемый человеческий вид выстоять, остается открытым. Не исключено, что в ходе своего взрывного развития он сам себя разрушит, обретя свой конец в тупике эволюции. Речь идет о том, какие ограничения – в позитивном и негативном смысле – должны быть наложены на идеологию этого уже живущего среди нас *Homo billionis*, чтобы человечество осталось стабильной звездой средней величины.

Образ утраченного рая

Идея равенства и братства всех людей принадлежит к числу основных христианских убеждений. «Возлюби ближнего своего как самого себя» и «Что вы наименьшему из братьев Моих причинили, то вы причинили Мне» – эти и другие христианские убеждения проистекают из образа человека, в своей основе восходящего еще к Аврааму. Он считается праотцом иудеев, христиан и мусульман. С этой мифической фигурой в историю идей входит представление о Боге едином. А через эту идею опосредованно проступает образ единого человека, стоящий выше всех земных рациональных и эмоциональных критериев. В вере в Единого все верующие становятся равными. Но только в ней!

Напротив, многобожие соответствовало непосредственному восприятию различных существ различного рода. Были божества рек и морей, растений и животных, малых народов и великих царств. Их восприятие предполагало пространственную и ментальную дистанцию. Эта дистанция постепенно утрачивалась с переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, к оседлости, особенно с пе-

реходом от сельской жизни к городской. С самого начала прогресс цивилизации характеризовался принципом подчинения других существ. Из первоначального акта убийства ради собственной жизни простекала последовательная domestикация природы, ставящая всякую жизнь на службу человеку. К принципам Нагорной проповеди добавляется мандат, стоящий по ту сторону любой морали: «Покоряйте землю!» Исторически он предшествует принципам Свободы, Равенства и Братства, потому что манипуляция миром требует манипуляции людьми, в сотрудничестве с которыми только и возможно успешное овладение опасным и вовсе не щедрым миром. Цивилизация – не удел одиночек. С первым прирученным животным, с первым посаженным растением в мир неизбежно вошла борьба за власть. С этого момента честные охотники и собиратели становятся потенциальными разбойниками и ворами, которые в чужой жизни и собственности стали видеть легкую добычу. Необходимость охраны и распределения добычи требовали социальной организации и порождали иерархию. Поэтому «покоряйте» землю, а не «покоряй».

Однако, легко раздавая обещания справедливого дележа, власть и ее прислужник – насилие – нуждались в высшей легитимации. Ею могло наделить лишь существо, стоящее надо всем и всеми. ОН обещал своим представителям на земле возлюбить всех и тем самым исцелить раны, наносимые от ЕГО имени. То, что при этом ОН оставлял за собой право избрать лишь немногих, было вполне естественно, потому что без иерархии, т. е. без неравенства, невозможна никакая реальная власть. Но, получив власть, ссылающаяся на НЕГО каста теперь могла одна решать, каким обра-

зом должны распределяться плоды организованного овладения природой, включая и тех, кто их произвел. В этом отношении ничего не изменилось и по сей день.

То, что равенство и справедливость взаимно исключают друг друга, так же верно, как и то, что друг друга обуславливают Добро и Зло. Не все попытки манипуляции миром удачны настолько, чтобы обеспечить справедливое распределение полученной выгоды. Одним людям везет больше, другим меньше. Если бы это было иначе, то не было бы эволюции и все жили бы подобно Адаму и Еве в стерильном раю, в котором лев и лань могли бы жить мирно и дружно только потому, что там им не нужно было бы пропитание.

Единый образ человека как отражение Единого за пределами рая – фикция. Но признать, что этот образ – искажение действительности, сегодня труднее, чем 400 лет назад было признать восход солнца следствием вращения Земли. Для того чтобы сегодня признать человека результатом действия законов эволюции, требуется гораздо больше, чем в свое время потребовала революция Коперника. Необходимо недоверие к традиционным убеждениям, которые определяют интерпретацию сигналов, поступающих от наших органов чувств. Об этом однозначно свидетельствует психология восприятия. Кроме того, мы должны признать, что наши инстинкты и эмоции – унаследованные модели поведения, сформировавшиеся в глубокой древности как необходимые для выживания во враждебной природе. Эти инстинкты и эмоции соответствовали среде, в которой члены коллектива были обречены на гибель без готовности заботиться о других и делиться с ними. В этой особой фазе человеческого развития не было конкуренции.

Мир был полон растений и животных, а человек был редок и дорог. Этот мир, воспринимаемый как естественный, радикально менялся с возрастающей скоростью и сегодня больше не существует. Наши унаследованные инстинкты и эмоции утратили свою основу.

Развитие от охотника и собирателя к земледельцу, скотоводу и, наконец, к современному городскому техногибриду исторически неотделимо от параллельно шедшего культивирования ненависти, вражды и организованного насилия. Только с таким ментальным оснащением можно было выстоять в стычках с множившимися группами чужаков, быстро научившихся видеть в людях и плодах их труда простую, хотя и не очень легкую добычу. От посева до урожая нужно приложить много труда и усилий, а за один хитро задуманный набег удастся довольно легко овладеть уже обмолоченным зерном. (Еще нагляднее это видно при краже компьютерных программ, которые можно копировать и множить несколькими нажатиями кнопки.)

Уже примерно 7000 лет развитие культуры сопровождается всё более сложными военными столкновениями между всё более численно возрастающими группами за природные и интеллектуальные ресурсы. Всё более агрессивные цивилизации ущемляют свободу индивида, чтобы как-то справиться с невероятным ростом численности *Homo sapiens*. Первоначальная защита индивидуальной свободы и собственности как ее гаранта в «агрикультурах» превратились в гонку взаимного вытеснения в растущих масштабах: от союза деревень к племени и государству, потом к союзу государств, к империи и далее до мировых пределов. Это и есть сущность развития цивилизации. Причины сегодняшних действитель-

но глобальных кризисов кроются в глубине тысячелетий и являются следствием тяги к неограниченному росту и экспансии, изначально присущей индивиду и не позволяющей ему видеть в другом дорогого и редкого партнера. Похоже, что *Homo sapiens* исчерпал свой эволюционный потенциал.

Первоначально разрозненные особи *Homo sapiens*, давшие начало массовому человеку, подвергались болезненному процессу отбора не только в суровый ледниковый период, но и позже в результате других климатических катастроф или пандемий. Я буду в дальнейшем называть этого массового человека *Homo billionis*. Как «модель нулевой серии», он развился примерно за те же последние 3000 лет, что и великие царства, а позже первые модели мировых империй. С глобализацией конца XX века, по историческим меркам за одну ночь, *Homo billionis* сумел совершить прорыв на рынке идентичности и идей. Но его слепое стремление к росту и непоколебимая вера в свое превосходство угрожают ему скорой гибелью. И очень важно помнить, что только взаимные угрозы таких соперничающих глобальных моделей, т. е. равновесие страха, пока что предотвращают эту гибель.

Современный мировой порядок строится в основном на тех понятиях теории игр, которые были исследованы и применены к политике безопасности лауреатом Нобелевской премии экономистом Т. Шеллингом в 60-е годы. Его работы в решающей мере способствовали тому, что холодная война осталась холодной в конечном счете потому, что соперники осознавали: при существенном нарушении сферы интересов одной из сторон ядерное оружие массового поражения действительно могло бы быть применено, но способность нане-

сти ответный удар автоматически привела бы к гибели нападающего [4].

Действию метеорита, жертвами которого около 60 миллионов лет назад стали динозавры, сегодня соответствует сопоставимое воздействие 7...10 млрд человек, которое разворачивается физически хотя и медленнее, но эффект которого будет тем масштабнее, чем больше будет «общая масса» предстоящего человеческого столкновения.

То же негативное видение лежит в основе международных конференций, посвященных изменению климата, а также в основе германской энергетической революции. Колоссальные затраты на нее оправдываются опасениями ядерной катастрофы, преднамеренной или непреднамеренной, а также опасениями вооруженных конфликтов из-за ископаемых источников энергии или разрушения экологических систем, обусловленного стремлением к безудержному росту. Эта революция побуждает «прогрессивных» обратиться к энергии Солнца и перейти к новому экологическому мышлению. Но хитроумно просчитанная возможность в будущем продавать «отстающим» дорогую технику вводит в заблуждение. Подобные на первый взгляд привлекательные коммерческие модели лишь затемняют реальную угрозу. К тому же «отстающие» уже сегодня могут оплачивать импортные предметы роскоши вроде немецких автомобилей только своими долгами. В еще большей степени это будет касаться дорогостоящей и требующей постоянного обновления энергетической техники.

При ближайшем рассмотрении обещания нового, лучшего мира, без нагрузки на окружающую среду и без зависимости от политически нестабильных регионов благодаря «зеленому самообеспечению» обо-

рачиваются явным самообманом. Солнце хотя и светит для всех, и его энергии достаточно для удовлетворения растущих энергетических потребностей, но технические устройства, с помощью которых миллиарды людей ежедневно добывают жизненно необходимую энергию, не могут изготавливаться массово, недолговечны и не могут воспроизводить сами себя, как это было в биологическом зеленом прошлом. Кроме того, в южных широтах солнце светит ярче и дольше. Но и там ему приходится поддерживать прежде всего экосферу и прежде всего «биомассу», т. е. поддерживать всякую жизнь, не только человеческую. Возобновляемые источники энергии заставляют вспомнить о тех условиях, которые в истории всегда были связаны с захватом земель и защитой территориальных преимуществ. И высокотехнологичные установки тут мало что меняют. Напротив, из-за своей особой уязвимости они лишь обостряют извечные архаичные конфликтные ситуации.

Лишь совершенно иной образ человека, не тот, что породил *Homo billionis*, был бы способен снять то бремя, о котором догадывались уже древние греки, когда полагали, что Землю тяготит «переизбыток человека», и потому боги разжигают войны для того, чтобы люди истребляли сами себя [6]. Неизменно провозглашаемая вера в неограниченный рост в очередной раз уповает на технический прогресс и игнорирует «человеческое бремя». В погоне за повышением технической эффективности она лишь способствует увеличению социальной плотности. Эта новая вера, эмоционально окрашенный миф о Зеленом будущем, не выведет из того эволюционного тупика, в который попал *Homo sapiens* в своем развитии в сторону *Homo billionis*; напротив, она предельно сузит тушиковый

путь, на котором теснятся всё новые миллиарды людей.

Но разум вместо эмоций, рациональное, а не гормональное управление обществом не могут быть навязаны сверху какой-либо идеологической системой. Изменения в направлении к более рациональному состоянию большинства могут сложиться только из индивидуального опыта отдельных членов общества, являющихся носителями не генов, а образов мира, опираясь на которые люди либо смогут выжить, либо совместно потерпят поражение. До тех пор, пока равновесие между сотрудничеством и конкуренцией, свободой и принуждением, свободным предпринимательством и наймом, индивидуальной мотивацией и давлением группы будет поддерживаться на основе стадных чувств – а все известные модели государства строились именно на такой основе – до тех пор судьба человеческих легионов останется предсказуемой и неотвратимой.

Несмотря на все факты, эту безальтернативность не желают признать сообщества, находящиеся в рамках эллинско-христианской традиции. Идея роста неизбежно обостряет конфронтацию из-за ресурсов и жизненного пространства, для обеспечения роста появляются всё более жесткие структуры власти.

Эта тенденция удивительным образом гаснет на уровне отдельных индивидов. Самое красноречивое свидетельство этому – тотальное падение рождаемости в высокоорганизованных обществах развитых стран. Если не принимать во внимание прирост за счет неблагополучных семей, то показатели воспроизводства населения у европейцев, северных евразийцев, японцев и даже китайцев стремятся к 0,5 ребенка в среднем на одну женщину. В этих ре-

гионах индекс депопуляции уже приближается к 50 % за поколение. Исторически зрелые формы социальной организации, ориентированные на рост, экспансию и завоевание – те, которые мы понимаем под государством, включая его экономические структуры, – таким образом приводят к результату, противоположному тому, за что они борются.

Узурпация государством роли семьи и формализованное общество (а не индивидуализация, как ее понимают М. Мигель и Шт. Валь [3]) порождают массового человека, поглощенного системой, и всё больше лишают его важнейшей основы, а именно возможности объединять его «гены успеха» в общем «пуле видений».

Поскольку менее развитые общества с пониженной ролью государства по-прежнему видят свое спасение в размножении, невозможно выиграть гонку со временем путем перераспределения материальных благ между богатыми и бедными. Поэтому завоевательные войны, спровоцированные или развязанные в качестве превентивной меры, грозят превратиться в ползучую глобальную гражданскую войну, так как «мирные» средства планетарного господства, обеспечивающего селективное использование природных ресурсов, исключают реальный рост выгоды для всех. Независимо от любых идеологий становится очевидным, что глобальное перераспределение материальных благ превращается в регрессивно раскручивающуюся спираль, когда постоянно возрастают только затраты, но не ожидаемая выгода. В XX веке это наглядно показал гигантский эксперимент построения коммунизма. Следуя этой линии развития, изобретательный Homo billionis будет всё больше становиться первейшим врагом самого

себя, если ему не будут положены жесткие границы.

Предстоящие конфликты при этом будут, как всегда, разжигаться теми средствами, которые определили линию фронта, сложившуюся при последнем перемирии, т. е. средствами и идеалами последнего победителя. С отменой в 1973 г. Бреттон-Вудского соглашения дееспособными во всемирном политическом масштабе должны были остаться только США. Эта дееспособность в настоящее время держится только на пошатнувшийся вере в ценность «сертификатов», на которых стоят знак \$ и привязанные к нему знаки €, £ и ¥. Подрыв доверия затрагивает и китайский юань ввиду его гигантских долларовых резервов.

Зевс, Деметра, Артемида и Аполлон ограничивались только заботами о плодородии в нетронутой природе. Первым, кто отличался даром всё превращать в золото, был Мидас – не бог, а легендарный царь, у которого люди, как только он их касался, превращались в чистую покупательную способность. Мидасовским мировосприятием отличаются сегодня все экономические системы. То, что политики, а особенно министры финансов, банковские воротилы и биржевые спекулянты, при этом могут коснуться самих себя, они после конца Бреттон Вуда поняли так же мало, как еще недавно те военные эксперты, которые стремились к глобальному равновесию с помощью угрозы стократно усиленного ядерного Армагеддона.

Но при возможности многократно уничтожить врага оружие теряет смысл и даже оказывает парализующее действие. Точно так же и с Большими Деньгами. Если за ними стоит не реальная потребительная стоимость, а лишь защищенная оружием монополия на неограниченное

печатание денежных знаков, то это парализует всякие позитивные реальные инвестиции. Такие деньги используются для защиты, а не для обновления и расширения тающих жизненных ресурсов. В таких условиях «верное» вложение капитала означает строительство всё новых складов оружия, защищаемых всё новым оружием и всё большими деньгами.

Власть масс и монотеизм

Многобожие не исключает вражду между разными существами, но оно далеко не так способствует ей, как вера в единого единственного настоящего Бога. Эмпатия и сочувствие, позволяющие сосуществовать даже людям и животным, не действуют в теологии развитых монотеистических религий. Их претензии на абсолютную истинность разделяют людей даже после смерти. Души различных вероисповеданий, считающиеся бессмертными, возможно, могли бы встретиться в местах вечных мук и тьмы, но не в исполненном света и радости раю, отдельном для каждой конфессии. Рай непременно эксклюзивен. Поэтому религиозные войны всегда были более беспощадны, чем войны за только светские цели.

Судя по всему, понимание внутренней связи между религией и военными конфликтами западным сознанием сегодня утрачено. Религиозные войны католиков и протестантов остались лишь фактом истории. Это объясняется, в частности, тем, что они никогда по-настоящему так и не были осознаны. После Вестфальского мира массированный натиск ислама воспретствовал давно назревшей в христианстве рефлексии о весьма ограниченной роли веры в светских делах.

Начиная с VII века ислам огнем и мечом пытается навязать еще более абсолю-

тистскую идею «творца и первопричины» всего сущего. Подвергнуть Аллаха сомнению для ислама означает: своим сомнением в единственном Боге сомневающийся ставит под сомнение свое собственное существование – со всеми мирскими последствиями, за которые он сам несет ответственность.

В ответ на вызов ислама христианская Европа развернула в Африке, Америке и Азии миссионерскую деятельность методами, диаметрально противоположными своему собственному образу человека. Миссионерская идея христианства, адресованная всем людям, стала глубинным фактором, способствовавшим глобальному доминированию Европы к началу XX века. Но эта победа была бы невозможна без европейского технико-цивилизационного превосходства.

В этой фазе исторического развития кроется глубокое противоречие, еще и сегодня омрачающее европейское сознание. Цивилизационное превосходство Европы было следствием Просвещения с его идеей свободно мыслящего индивида, настроенного критически против авторитетов, осуществлявших власть над мышлением. Эта идея противоречила вере в Единого, позаботившегося о верующих в Него. Этот критический индивид был противоположностью образу «равноправных и братских» овец, пасомых своим Создателем.

Просвещение высвободило небывалые творческие силы. Мысль и действие более не были скованы раз и навсегда данным всем людям неизменным и постижимым только через откровение актом творения. Теперь творчество каждого человека было призвано помочь победить природу без оглядки на Священное писание. Полет на Луну был бы невозможен без декартовой

революции, без его «*Cogito, ergo sum*». Предшественников этой духовной революции можно найти в позднем Средневековье, они были уже в Древней Греции с ее небом, населенным богами, но никак не в тесном космосе кочевавших в пустыне племен, живших караванной торговлей.

Развенчание религиозного образа человека породило новый конфликт идей, последствия и масштаб которого еще не полностью обозримы и сегодня – конфликт между индивидом и биологическим видом как целым, который обостряется в возникающих городских массовых сообществах. Он ни в чем не уступает идейным конфликтам, из которых вышли сегодняшние мировые религии. Напротив, он грозит превзойти их. Равновесие ядерного кошмара уступило место неравновесию между рациональным расчетом и коллективными эмоциями.

Массовый человек как современная версия *Homo sapiens* и монотеистические идеологические построения тесно связаны друг с другом. Кажущееся развенчание религии в моделях коллективного существования, будь то социалистическое сообщество М. Хонеккер [1] или сообщество потребителей в государствах «всеобщего благоденствия», необычайно усилило связь между единообразием и централистским управлением. Конечной целью такого развития оказывается всеобщее равное право на нормированное по возможности потребление, право, выражением которого является глобальная валюта, доступность которой «справедливо» обеспечивается содружеством государств. Политически такая валюта существует уже сейчас на основе договоренностей о поддержании стабильных обменных курсов, которые, однако, почти незаметно корректируются из-за «неодина-

кового уровня инфляции». В действительности эта фиктивная собственность поддерживается печатным станком, т. е. чрезвычайно неравномерно распределенным экономическим принуждением.

Борьба против терроризма, новейшая реакция на постоянно и асимметрично ведущуюся религиозную войну против светских, ориентированных на земное существование моделей общества, кровавым следом тянется через историю. Представление о том, что Единый Бог предпочел один народ всем остальным – тот народ, который определяет себя через эксклюзивную веру в Него, – со времен Древнего Рима было раздражителем для любой светской власти. Спустя почти 2000 лет после того, как этот раздражитель возмущал Египет при фараонах и Древний Вавилон, он не только вернулся в Палестину, но подобно эпидемии распространяется в поясе кризисов от Южной Азии, Пакистана, Афганистана и Ирана до Аравийского полуострова и далее к северу и югу от Сахары. Египет поражается им уже в третий раз.

Огонь и меч в этой борьбе уступили место намного более мощным видам оружия. Крутые перемены в исламском мире после революции Хомейни показывают, насколько далеким может быть отход от идеи Просвещения о свободных и равных индивидах. Конфликты в мире, взрывообразно увеличивающееся население которого борется за остатки того, что приписывают созданию «Бога-творца», конфликты вокруг правильного образа человека приобретают формы мученичества. Это относится не только к поясу кризисов Хантингтона [2].

Все светские государства зависят сегодня от искусственной, а не природной основы жизни, которую Творец, по-видимому,

приготовил для тех, кто когда-то верил в Него. Бегство в страны обетованные, куда когда-то посланные Богом пророки вели свои небольшие народы, в наши дни доступно лишь немногим непоседам. Миллиарды людей стали зависимы от хрупкой технической цивилизации, основанной на скудных ресурсах и «холодных» экономических принципах. Господствующая промышленная цивилизация вынуждена защищаться, наступая на «теплые» эмоции тех, кто от нее зависит, что предвещает новую революцию в области трансцендентного. Это будет более смелый шаг, чем тот, на который тысячи лет назад решились основатели религий, чтобы выйти за узкие горизонты восприятия, задаваемые численно растущими племенами и их тесными духовными биотопами, населенными местными богами. Уже тогда выжить означало шагнуть в неведомое. А это предполагало мысленный шаг в непостижимое.

Этот новый шаг в неведомое ясно указывает на глобальное государство, гарантирующее всем гражданам жизнь и для этого вынужденное всё детальнее предписывать им, как им следует жить и работать, и прежде всего как работать над собой и над новой всеобъемлющей общностью. В отличие от *сотворенного*, до сих пор предоставляемого человеку даром и не требующего от него взамен ничего, кроме нескольких молитв и жертвоприношений, это глобальное государство, организующее всю цивилизационную деятельность, потребует от своих подданных полного подчинения. И самых деятельных и добросовестных из них оно в конце концов поработит и поставит под усиленный надзор.

Лозунг «Покоряйте Землю!» превратился в требование «Покоряйтесь солидарному коллективу!» Потому что изначально *со-*

творенное, в рамках которого развивалось наше представление о человеке по принципу «Все люди равны», постепенно исчерпывается. Природа больше не дает жизненных ресурсов, достаточных для семимиллиардного населения. Это вовсе не означает, что окружающую среду и природу больше не надо беречь. Но было бы трагической ошибкой думать, что средства, необходимые для охраны природы, можно попросту изъять из нее самой и вернуться в «теплое» прошлое. Солнце светит без вмешательства человека, но необходимость с помощью несовершенных средств в поте лица своего ежедневно снова и снова улавливать и сохранять солнечную энергию не обойдет и самых ярых солнцепоклонников. Выживание всего населения планеты зависит от технической цивилизации, созданной немногими индивидами и требующей всё новых изобретений; от цивилизации, которая не может поддерживать себя сама и порождает растущую пропасть между теми немногими, кто не дает ей угаснуть, и теми многими, кто на претендует на ее плоды и хочет определять ее характер. Повторяется старая история о Каине и Авеле, при том что наши симпатии и тогда, и сегодня направлены неверно. В «прогрессивных» обществах ничто не объединяет так сильно, как коллективное сопротивление эффективной и всемогущей технике.

Внутренние напряжения и конфликты глобальной цивилизации, возможно, затмят всё, что породили прежние системы господства. В конечном счете возникает вопрос об образе нового человека, служащего опорой такой глобальной системы. Ему не будут даны ни Братство, ни Свобода, разве что система ГУЛАГа посредством промывания мозгов на более высоком уровне обеспечения придаст этим

словам новое значение: безальтернативная свобода вплоть до коллективного рая, организованного на началах религиозного ордена и реализованного путем функционального разделения подчиненных миру труда, но содержащихся отдельно друг от друга братьев и сестер. Поясним эволюционный перепад, связанный с таким представлением. Зададимся провокационным вопросом: «Почему на христианском Западе и через 2000 лет после Рождества Христа большинство людей не живут в монастырях как монахи и монашки и не культивируют там землю, возвышая свой дух к вящей славе Божией?»

Тоталитарные режимы неоднократно пытались заступить на место Бога и внушить всем необходимое доверие. Но легитимность власти, видевшей равенство людей лишь в том, чтобы каждому определялось ровно такое бремя, какое он еще в состоянии вынести, всегда подвергалась сомнению. Эта тоталитарная перспектива всё отчетливее вырисовывается после распада биполярного мира и прогрессирующей глобализации почти любой цивилизационной деятельности. Об этом свидетельствуют конференции по глобальному изменению климата, Международный суд в Гааге, Договор о нераспространении ядерного оружия, Интернет как доминантная среда коммуникации, Всемирная торговая организация и в особенности глобальная валютная система (и ставший благодаря ей возможным глобальный финансовый кризис).

Итак, картина мира, построенная на идее равных и неотъемлемых прав человека, есть мысленное построение, лежащее в традиции монотеистических представлений о Сотворении, свойственной ранним аграрным сообществам, т. е. цивили-

зации, зависимой от природы, но научившейся защищаться от вражеских набегов и порабощения и представляющей собой продолжение древних культур собирателей и охотников. Хотя это мысленное построение давно утратило свою основу, оно по-прежнему определяет социальные представления и модели общества, которые поэтому трещат по швам. Конфликты между капитализмом, социализмом и новыми экологическими концепциями, стоящими к «божественным» государствам ближе, чем им хотелось бы это признать, проходят по тем линиям разлома, которые в последнем столетии раздробили перегруженные аграрные сообщества, когда в результате бегства с земли в города они избрали безальтернативный путь к индустриализации. Эти конфликты поражают сегодня урбанизированные регионы, всё более похожие на животноводческие фермы из-за мельчайшего разделения труда и раздробления функций, где прежде самостоятельный и свободный индивид уже давно не находит для себя места.

За обеими начинавшимися в Европе мировыми войнами стояло убеждение в необходимости ради собственной свободы максимально расширить эксплуатацию природы и других людей. Для этого была необходима колонизация того и другого. Эта экспансия и завоеванная за чужой счет свобода подошли к своему концу. На протяжении двух поколений планета неограниченных возможностей превратилась в закрытый рынок, где господствует стремление вытеснить другого и где все больше и больше увядает не только индивидуальная свобода, но и национальная идентичность.

Идеалы Французской революции – Свобода, Равенство, Братство – превратились в идеал социального государства,

которое требует от своих граждан ровно столько жертв, сколько необходимо, чтобы не дать угаснуть вере в равенство всех людей повсюду в мире и на все времена. Поэтому финансовые системы сростаются в союзы должников, и не только в Еврозоне. Предпринимаются попытки с помощью системы мировых валют и ничем не обеспеченных кредитов всех центральных банков отодвинуть драматически растущий дефицит разных стран в отдаленное будущее, по возможности в загробный мир. Конституции тех, кто вынужден платить дань через инфляцию и налоги, приспособливаются к реальности, на которую уже невозможно влиять. Приближается момент, когда единственно подлинный рост – рост неустойчивости на рынках товаров и услуг, и прежде всего неконтролируемый рост долгосрочных займов – будет решать вопросы мира и войны; именно в этот момент «отсроченный» загробный мир достигнет нас. Конфронтация индивида и всё более виртуальных систем уже давно началась в виде терроризма и реакции на него, войны с терроризмом.

Любая проведенная на поверхности Земли и кажущаяся бесконечной прямая в действительности всегда только окружность, длина которой точно известна географам. Описанной выше давно предсказанной ситуации до сих пор уделяли внимание лишь немногие мыслители, так сказать, цивилизационные географы. Весьма поучительно обратиться к их анализу и прогнозу метаморфозы человека, за которой кроются породившие ее картины мира. Идея свободы послужит нам при этом нитью Ариадны, позволяющей разобраться в лабиринте теологических, этических и политических концепций. Этому будет посвящена вторая часть статьи.

Литература

1. *Kuzmany S.* ARD-Doku über Margot Honecker: Die furchtbare Frau [Electronic source] // Spiegel Online. – 2. April 2012. – URL: <http://www.spiegel.de/kultur/tv/tv-kritik-ard-doku-ueber-margot-honecker-a-825187.html> (accessed: 30.10.2017).

2. *Huntington S.P.* Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. – München: Siedler bei Goldmann, 1998. – 581 p.

3. *Miegel M., Wahl St.* Das Ende des Individualismus: Die Kultur des Westens zerstört sich

selbst. – München; Landsberg Am Lech: Aktuell: MVG-Verlag, 1994. – 207 p.

4. *Schelling T.* The strategy of conflict. – Cambridge, MA, Harvard University Press, 1960. – 328 p.

5. *Taleb N.N.* Der Schwarze Schwan: Die Macht höchst unwahrscheinlicher Ereignisse. – München: Hanser Verlag, 2008. – 441 p.

6. *Tuchman B.* Die Torheit der Regierenden: von Troja bis Vietnam. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2001. – 550 p.

IMAGES OF THE WORLD: IDEAS OF FREEDOM, EQUALITY, BROTHERHOOD AND THEIR TRANSFORMATIONS

W. Sassin

Munich Technical University,
Munich, Germany

wolfgang@sassin.at

For the survival of Homo sapiens, joint efforts and a strong desire for expansion were of the utmost importance. Our today's emotions and instincts are a relic of the era of hunters and gatherers. External expansion against rival communities and internal expansion, aimed at a closer social organization, gave birth to a mass man, a man of the crowd, who dominated the world until the 19th century. The modern mass man, Homo billionis, whose global civilization covers the entire planet, appeared only in the twentieth century. His archaic craving for expansion gave birth to industrial civilization as the dominant form of life. Today Homo billionis encounters natural boundaries, which are perceived as a hindrance, but he fails to understand that destruction of self-regulating nature is caused by his activities.

Behind both world wars, there was a belief in the need to maximally expand the exploitation of nature and other people for the sake of one's own freedom. This expansion and the freedom won at someone's expense have come to their logical end. For the last two generations, the planet of unlimited possibilities has turned into a closed market, where everyone seeks to displace the other, and where not only individual freedom but also national identity fades away steadily.

The mass man as a modern version of Homo sapiens and monotheistic ideological constructions are closely connected with each other. They have to be overcome in order to avoid the death of civilization as the result of further exponential growth. This requires two conditions: the rejection of the expansionist idea of the state and the recognition of differences between people.

Keywords: Homo billionis, monotheism, expansion, civilization crisis, a mass man.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-9-27

References

1. Kuzmany S. ARD-Doku über Margot Honecker: Die furchtbare Frau. *Spiegel Online*. 2. April 2012. Available at: <http://www.spiegel.de/kultur/tv/tv-kritik-ard-doku-ueber-margot-honecker-a-825187.html> (accessed 30.10.2017).
2. Huntington S.P. *Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert*. München, Siedler bei Goldmann, 1998. 581 p.
3. Miegel M., Wahl St. *Das Ende des Individualismus: Die Kultur des Westens zerstört sich selbst*. München, Landsberg Am Lech, Aktuell, MVG-Verlag, 1994. 207 p.
4. Schelling T. *The strategy of conflict*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1960. 328 p.
5. Taleb N.N. *Der Schwarze Schwan: Die Macht höchst unwahrscheinlicher Ereignisse*. München, Hanser Verlag, 2008. 441 p.
6. Tuchman B. *Die Torheit der Regierenden: von Troja bis Vietnam*. Frankfurt am Main, Fischer Verlag, 2001. 550 p.